

ГУМАНИТАРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Е.В. Валеева

Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского
(Арзамасский филиал), г. Арзамас

ev.visual@mail.ru

Образование оказывается встроенным в широкий социальный, политический и экономический контекст эпохи, поэтому анализ условий формирования и культурного производства образовательных текстов помогает понять процессы изменения и преемственности. Образовательные стратегии постнеклассической эпохи должны соединить свои основные смысловые послы и выявить новую образовательную концепцию целостности, эволюции и самоорганизации, основанную на плюрализме. Образовательная российская политика свидетельствует о неприемлемости полного заимствования в этой сфере без учета особенностей национальных оснований. И наоборот, развитие национальной образовательной политики не может замыкаться только на собственных возможностях, без использования проверенного историей образования опыта, инновационный характер которого может быть сегодня успешно применен на национальной основе. Идея синтеза образовательной унификации и национальной почвенности – это идея сохранения многообразия в его единстве.

Продолжающееся кризисное состояние российской экономики в настоящем убедительно свидетельствует о том, что наука и отечественное образование не становятся средством интеллектуализации и приобщения человека к культурным ценностям. Сегодня важно понять, какова роль гуманитаристики в обогащении современной культуры. Образование должно формировать особого рода иммунную социальную систему, которая способна к саморазвитию и противодействию негативным явлениям. При этом гуманитаристика может стать новой образовательной идеологией.

Ключевые слова: образовательный идеал, образность, образовательные и культурные табу.

DOI: 10.17212/2075-0862-2015-3.2-39-49

Сегодня гуманитарное образование оказалось в тупике, поскольку «гуманитаристика не может внятно ответить, зачем существует, в чем практический смысл ее деятельности» [15, с. 204]. Разговоры на тему о том, что «всем хорошим в себе я обязан книгам», кажутся устаревшими, ибо никто из современных молодых людей в их смысл не верит. «Гуманитаристика стала “ненужной” сферой общественной жизни, ее сдали в утиль вместе с обветшавшими идеологическими догмами и различны-

ми историческими пережитками... Гуманитарное знание утратило свои динамические характеристики в результате бегства от действительности, заменив пребыванием в истории свою деятельность в настоящем» [15, с. 204]. Пройдя стадии идеального, то есть оторванного от повседневной реальной жизни, и материального, когда происходило смещение интереса в сторону решения сугубо практических задач, школа попала в состояние виртуализации, т. е. промежуточного состояния между этими

крайностями. Такая образовательная виртуальность имеет потенциальную возможность перевода виртуального знания в актуальное, востребованное жизнью. При этом гуманитаристика может стать новой образовательной идеологией.

Сегодня важно понять, какова роль гуманитаристики в обогащении культуры современника и современной культуры в целом, если отечественное образование в большей степени оказалось инструментальным и тотально-техническим? Отечественное образование находится в состоянии тотальной технизации, т. е. вытеснения своих основ. Доминировавший до сих пор подход, опирающийся на передачу знаний и потом выработку на их основе умений и навыков, оказался непродуктивным, поскольку до сформированных навыков и закрепленных умений дело часто не доходило: не было ни времени, ни достаточных средств. В результате мы имеем специалистов, которые в действительности таковыми не являются, ибо сконцентрированы на выполнение одной функции. Образование создавало «человека-функцию». Сложилась ситуация, когда высшее образование сократило свои задачи до минимума (передача общих сведений). Обучение в вузе обесценилось. Для многих образование – лишь способ вложения капитала, вид приданого. Выросло целое поколение людей, которое изначально не ориентировано работать по специальности, настроено не на овладение будущей профессией, а только на получение диплома. Сегодня в педагогическом образовании почти не осталось предметников. Причину кризиса отечественного образования многие исследователи видят в его технократическом «перекосе», который произошел «за счет отставания гуманитаристики. И коль скоро основная функ-

ция образования – трансляция культурного опыта поколений в формах знания, то именно здесь следует искать причину социальных потрясений» [2, с. 9–16]. Кризис современного отечественного гуманитарного образования – это закономерная стадия развития, которая характеризуется истощенностью предыдущего ресурса и необходимостью введения нового.

Можно сказать, что за последние годы уже произошла девальвация высшего образования, когда выпускник знает обо всем понемногу и даже не планирует работать по полученной в вузе специальности.

Сложное для России время 90-х годов XX столетия совпало с пятым циклом индустриального развития, который связан с фундаментальными разработками информационных систем. Первые четыре цикла известный экономист и социолог Й. Шумпетер соотносит с использованием человеком в своей производственной деятельности энергии падающей воды; с изобретением парового двигателя; с изобретением и широким применением электрической энергии и энергии, высвобождающейся в результате химической реакции; с открытием возможности использования ядерной энергии и становлением электроники как самостоятельной отрасли [9]. Очевидно, что идет постепенное вытеснение человека из процесса производства, которое все больше опирается на компьютерные технологии. Парадоксальность ситуации в том, что в конце XX века в России произошло уменьшение технизации благодаря как раз распространению «специалистов общего профиля». Однако это обстоятельство не привело к остановке девальвации гуманитаристики. Выпускник вуза сегодня часто только полагает, что разбирается в технике, но он и не имеет ясного представ-

ления о гуманитарных основах. В настоящее время перед нами разворачиваются два взаиморазрушающих процесса в образовании, приведшие к исчезновению специалистов как в техническом знании, так и в гуманитарном. Отечественное образование в настоящее время спасается, как это ни странно, именно за счет компьютеризации, которая активно внедрилась и в сферу гуманитарного образования.

«Человек-функция» стал активно вытесняться «человеком-клавишей», что нашло потом отражение в практике ЕГЭ. Человеческое пространство стало вращаться вокруг клавиши, сформировав новый тип россиянина. «Эта цифровая, двоичная система – “да – нет”, “плюс – минус” – не позволяет наслаждаться ни литературным языком, ни историей России, ни поэзией. Они становятся сегодня собственностью компьютерного обучения...», – говорит Д.А. Гранин [5]. Нажав кнопку, человек открывает мир, однако это уже не мир, рожденный воображением. Новый мир этого нового человека рожден не человеком, а машиной. Все это рождает у человека ощущение собственной ненужности, что, к сожалению, не учитывается в образовании, хотя педагоги активно ищут новые технологии работы с учеником [2, с. 9–16].

Эффективность гуманитарного образовательного процесса можно оценивать как по благополучию, так и по неблагополучию современного человека. Неблагополучие (сначала рожденное в семье, а потом закрепленное школой) способствует формированию несчастного человека, о котором в результате все забыли. Современному образованию недостает человечности.

Во-первых, орудием понимания всегда был и остается язык. Между тем мы имеем выпускника школы или специалиста, ко-

торый не обладает навыками коммуникации. Более того, его коммуникативные неудачи заканчиваются одиночеством. Между тем диалогика становится философией Другого, без интереса к которому не может быть продуктивного общения. Общекommunikативный кризис выражается и в том, что собеседнику признательны, если он не говорит о проблемах. Разговор ни о чем и обо всем сразу – лучшая форма беседы. Внешняя (даже подчеркнутая) веселость скрывает внутреннюю неудовлетворенность и тревогу.

Текстовый минимализм отчасти подкрепляется и тестовыми заданиями, что рождает несостоятельную языковую личность. Языковая личность – это человек, способный найти понимание с другим человеком, открытый миру. Между тем современный человек иномирен собственной культуре, поскольку больше не находит в ней ответов на свои вопросы. Австрийский писатель Роберт Музилл в начале прошлого века обозначил новый тип героя – «человек без свойств». Восстановление человеческих свойств – задача гуманитаристики, однако часы на изучение литературы сокращены. Преподавание гуманитарных дисциплин сведено к монотонному обзорному монологическому изложению фактов жизни писателя и краткому пересказу его произведений или к заучиванию правил орфографии и пунктуации, схем и алгоритмов написания части С, ориентированных на требования сдачи ЕГЭ. Педагогическая практика показывает и то, что многие учителя заменяют уроки литературы в старших классах на решение тестов по русскому языку, что, безусловно, обедняет словарный запас ученика и снижает его культурный уровень. «...Нельзя допустить существование смысла вне языка, зато вполне можно про-

следить бессмысленное употребление слов и отказ от него» [6]. Об этом свидетельствует большое количество в пространстве Интернета своеобразных «сетевых платформ». «Сетевые платформы» – это «базы данных или просто организованный сайт, который становится одним из центров формирования художественной практики» [4]. Нарушение правил орфографии возводится в культ, это отражают названия популярных сериалов, например, сериала «Деффчонки». Новое мышление находит отражение и в соединении русского и английского языков («Страна в Shore», «Наша Russia»).

Б.В. Марков давно «забил тревогу», анализируя парадоксальное явление в культурном пространстве города – «отсутствие артикулированных речей» [10, с. 181]. Он отмечает, что наррация у современных молодых людей считается чем-то неприличным, признаком какого-то старческого безумия. Вместо разговоров – улыбки и взгляды или СМС-общение смайликами. Возрождение человека должно включать в себя и лингвистическое исцеление, возвращение родному слову богатства, гибкости и полнозвучия.

Во-вторых, о падении интереса к образно-метафорическому освоению действительности и о снижении авторитета литературы как «учебника жизни» свидетельствует нежелание нынешних выпускников выбирать литературу в качестве основного предмета ЕГЭ. Подобное вытравливание литературы в область ненужного знания ведет к разрушению отечественных образовательных традиций. Разорванные связи культуры и образования отражаются в познавательном пространстве отдельного субъекта, которому культура становится не нужна, а «ненужность» – это неостребованность обществом, иномирность.

Русская культура в основе своей словоцентристская. Однако сегодня словесная составляющая в гуманитарном образовании активно и не всегда оправданно вытесняется зрительной благодаря внедрению мультимедийных средств и компьютерных технологий. Очевидно, что огромная часть информации приходится на телевидение и Интернет. Более того, современные электронные каналы распространения информации отчасти структурируют общество, а потому любая попытка отказа от этих источников является заведомо невыполнимой. С другой стороны, использование этих ресурсов проблематизирует возможности формального образовательного процесса, который базируется на более «медленных» технологиях чтения и письма.

Проблема в том, что окружающий человека мир для современного молодого человека часто интереснее его внутреннего мира, поскольку человек из образа, воссозданного художественным гением, превратился в экран, на котором любой дилетант, и часто невежда, делает какие-то записи, схемы, записывает афоризмы, формулирует огромное количество противоречивых истин. Гармонизация этого процесса является насущной потребностью общества, удовлетворить которую может не перестроенная, а созидательная концепция развития гуманитарного образования. Кроме того, очевидно, что природа значительно богаче красками и формами, чем живопись и художественный текст. Получается, что литература больше упрощает мир, нежели его обогащает. Мир разнообразнее, богаче цветами, звуками, интонациями, тонами и полутонами, чем любой, даже самый совершенный текст. Поэтому традиционное литературоведение сегодня не способствует глубокому постижению текста. Современ-

ная литературная практика требует иного подхода, основанного на экстерииоризации, что должно изменить и методику преподавания литературы в школе и в вузе.

Методика культурологического диалога представляется в сложившейся ситуации весьма плодотворной. Под культурологическим диалогом мы понимаем извлечение новых смыслов из традиционного образовательного материала, поскольку все существующие подходы и методики в педагогике в целом повторяют друг друга и поэтому дают стереотипную модель работы с учеником. Возможно, настало время усилить вербальную форму общения с учеником формой невербального диалога, что ни в коем случае не должно разрушить диалог словесный, а поможет его стимулировать. Невербальное педагогическое пространство – это обращение к окружающей ребенка и молодого человека среде, запаху, цвету, пластике, возможно и вкусу. Безусловно, родители ведут в школу детей прежде всего для того, чтобы они говорили. Эта интенция сохраняется, но настало время прибавить к этому невербальные факторы педагогического процесса. Опирайтесь только на старый образовательный материал сегодня непродуктивно, поскольку уже сама социокультурная ситуация подсказывает новые подходы и методы в образовании. Проблема в том, что учитель должен создать на уроке модель «открытой коммуникации», что уравновешивало бы все односторонние подходы в педагогике. Интегрируя в себе опыт разных знаний, культурологический диалог открывает новые возможности воздействия на личность, формирует пластичность мышления.

В-третьих, бытие человека никогда не сводится только к материальному плану. Между тем мы имеем выпускника школы,

который не имеет достойного примера для подражания. Прежний антропологический идеал был разрушен, появился новый идеал, который строится на прямо противоположных основаниях. Если антропологический идеал человека до 1990-х годов XX века вырастает из Великой Отечественной войны – это герой-патриот, то новый идеал «выходит» из ночного клуба – это тусовщик, или «человек гламурный», для которого досуг – это основная цель жизни [13, с. 250]. «К важнейшим типологическим признакам гламура принадлежит перформативность, принцип карнавализации, гибридизация, универсальность, его коммерческая основа и визуальная природа репрезентации, а также предельная типизация образов и их строгая иерархичность» [Там же]. Если информацию об идеале молодой человек раньше черпал из книг, то новый идеал активно транслируется аудиовизуальной культурой, это экранный (визуальный) образ. Антропологический идеал раньше был предметом внутреннего подражания, новый – предметом только внешнего подражания. Таким образом, идеал сегодня не становится орудием формирования гармоничной личности.

Идеал сегодня отождествляется не с героем, а с кумиром. Отечественное образование не дает молодому человеку разграничения идеала и кумира, поэтому у нас нет героев, но есть фанаты. Фанаты – это придатки «человеческой машины», поскольку они заряжаются энергией другого человека, но машинным образом. Они копируют внешние признаки кумира: его прическу, жесты, стиль одежды и т. д. Это элементарное, механическое подражание образцу. Так возникают двойники. В теории героя всегда была заложена идея исключительности. Институт двойников указывает на об-

ратное, то есть на формирование массовости, однотипности и стандартности. Между тем взаимодействие человека и культуры – двусторонний процесс. Обращение к человеческой индивидуальности начинается с эпохи Возрождения, когда складывается принцип единственности и оригинальности каждого человека. Это находит отражение в истории жанра портрета. «Ошибочно полагать, что портретом можно считать лишь изображение людей или в крайнем случае животных. Картина является портретом тогда, когда художник переносит на холст индивидуальность объекта. Портрет... стремится индивидуализировать объект. Он превращает любую вещь в уникальную, единственную» [12, с. 36]. Ренессансный портрет рассчитан на узнаваемость, поскольку подчеркивает неповторимость человека. Портрет становится средством самопознания, рефлексии, рождает ощущение неудовлетворенности собой. Высокую культуру творили исключительные личности, массовую культуру творят штампы и стереотипы. Вопрос в том, на формирование исключительности или массовости направлено современное гуманитарное образование?

В-четвертых, культура, с точки зрения З. Фрейда, с момента появления «эдипова комплекса» превратилась в систему норм и запретов, о чем исследователь писал в своей работе «Недовольство культурой». Более того, культура не может существовать, если внешние ограничения не станут для людей внутренними. Фрейд говорил, что «ограничения представляют собой нечто иное, нежели религиозные или моральные запрещения. Они сводятся не к заповеди бога, а запрещаются собственно сами собой. От запретов морали они отличаются отсутствием принадлежности к системе, требу-

ющей вообще воздержания и приводящей основание для такого требования. Запреты табу лишены всякого обоснования. Они неизвестного происхождения. Непонятные для нас, они кажутся чем-то само собой разумеющимся...» [17].

Так, культура – это всегда запреты, табу, о которых знали еще первобытные люди. «Дело идет о целом ряде ограничений, которым подвергаются первобытные народы... они подчиняются этому, как чему-то само собой понятному, и убеждены, что нарушение табу само собой повлечет жесточайшее наказание... Запрещения большей частью касаются стремления к наслаждению, свободы передвижения и общения...» [17]. Экспликация инстинктов в форме культурных или антикультурных символов дает интересный материал для понимания антропологических характеристик современной культуры и современника. Дело в том, что образование сегодня демократично, как и вся культура, и не предполагает никаких запретов, строясь по принципу «все можно». В демократическом образовании сняты все табу. Возникла «школа без запретов». Хорошо ли это? Этика образования всегда строилась на табу: не делай плохо, не говори плохо, не думай плохо. Известный культуролог Клод Леви-Строс, занимаясь изучением «дикарей» Южной и Северной Америки, отмечал, что эволюция человечества не может измеряться только техническими достижениями, а осуществляется еще и другим путем, связанным с сохранением изначально установленных связей человека с природой. С этой точки зрения «примитивные» народы являются более развитыми, чем «цивилизованные», поскольку не утратили связи с природой и существуют в гармонии с окружающим миром. К. Леви-Строс пишет о существова-

нии в первобытных культурах разного рода запретов (на пищу, на слова и т. д.) [8]. Возрождение человека, на наш взгляд, строится на возрождении табу.

В-пятых, еще одна проблема связана с тем, что гуманитарное образование начинается с Образа. Сначала это был натуралистический, затем знаково-символический, потом метафизический, эстетический или идеологический образ, т. е. доминанта каждой культурной эпохи, который помогал оторваться от сиюминутных потребностей плоти и вспомнить о душе. «Сегодня нет такого образа культурной эпохи и, что особенно беспокоит, нет и потребности в нем. Но «Бог умер, значит все дозволено» (Ницше), поэтому и человека можно лишить его сущностных свойств – в этом суть глобальной деантропологизации, которая столь разрушительно повлияла и на все образование» [13, с. 8].

Исключение образности в духовно-нравственном воспитании молодого современника стало осознаваться как существенный просчет при формировании личности совсем недавно» [13, с. 355–358]. В этом никак нельзя винить психологов, дидактов или искусствоведов, поскольку с последней трети прошлого столетия внимание к этой стороне их совместной деятельности было постоянным и многоаспектным. Человек стал в принципе не интересен человеку и, как следствие, потерял объем, который возникал в стремлении постичь логику, понять суть ошибок, испытать восторг от подвига людей, что служило источником возникновения множества образов, указывавших путь другим, сделавших возможным выход к высшим точкам бытия. Сегодня человек «завис в точке невозврата» и пребывает в состоянии насыщенной пустоты. Это означает, что он до предела за-

гружен, многое успевает, все осознает, имеет множество планов и намерений, но все это упирается в тупик его собственного Я, создавая ощущение «бегства от свободы» (Э. Фромм), которой он так долго и трудно добивался.

Кратчайший путь возвращения к человеку – через образ, наполненный антропологическим содержанием, что делает его «чужим» и «своим» одновременно, что также позволяет «возлюбить» его «как самого себя». Такая философия образа общезначима в эпоху тотальной деантропологизации, особенно в сфере нравственного воспитания личности. Аналитическая образность обусловлена стремлением увидеть и понять, что вызывает всеобщую восторженную реакцию.

Образность предстает интегративным понятием, совпадающим с широкой духовной практикой, порождающим новую креативную реальность. Это означает, что образность становится движением к творчеству, которое понимается как динамичное состояние самой личности, способной использовать культурный опыт в своей жизненной ситуации. При этом следует учесть, что существует некое сопротивление образа, который не требует себе хозяина, застыв в выжидательной позе готовности на любой союз.

Реконструкция вместо интерпретации – такая же тенденция современного мышления, как, например, «литература нон-фикшн», где реально-документальное доходит до современника быстрее и воспринимается убедительнее, чем то, что он считает «придуманным», не веря в реальность существования образов. Вот почему тщательно составленная реконструкция образа означает восстановление культурно-образовательных связей с Другим и соз-

данной им культурой. Индивидуальный акт познания оказывает существенное влияние на состояние современности, несет в себе высший нравственный смысл.

Образность создает особую среду, которая сегодня оказалась разрушенной. Возникли полинациональные школы, происходит постоянная ротация учащихся, что привело к тому, что среда стала фактором, безразличным к подготовке человека.

Таким образом, интегрирующая концепция гуманитарного образования, не сводимая к унификации, а, напротив, раскрывающая многообразие воплощений и смыслов, создает основу для консолидации образовательного труда и социального отклика на него. Человек, обучающий человека, не скованный стагнирующими предписаниями, а творчески осмысливший цели и задачи своей деятельности, выступает как живой элемент взаимодействия с учениками, с коллегами, с обществом, выступающими индикаторами нарушенного равновесия, стимулом к совместному поиску нормы (но не стандарта!) [16, с. 646–650]. Человек как источник и ресурс гуманитарного образования должен в итоге прийти к самому себе, преодолевая «технические» подходы к своему формированию и личностному развитию.

Образовательная синергетика в этой связи представляется перспективной сферой и мировоззренческим ориентиром в поиске новой методологии, ориентированной на многообразие и плюрализм. Один из принципов гуманитарного образования в том, что, основываясь на всеобщих идеях, оно должно быть адресным, рождающимся в каждом конкретном случае заново. Безусловно, это сложная задача. Первоочередные меры по решению возникающих проблем доступны педагогам с новым гуманитарным мышлением и рассматривающим

образование как некий непрерывный Текст становления человека, в котором нет деления на традиции и инновации [1].

Литература

1. *Валеева Е.В.* Аналоговая модель современного образования // *Обсерватория культуры*. – 2014. – № 1. – С. 96–101.
2. *Валицкая А.П.* Как возможна общая теория образования, или о междисциплинарном статусе понятия «диалог» [Электронный ресурс] // *Диалог в образовании*. Серия «Symposium»: сборник материалов конференции. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. – Вып. 22. – С. 9–16. – URL: <http://anthropology.ru/ru/person/valickaya-ap/text/kak-vozmozhna-obshchaya-teoriya-obrazovaniya-ili-o-mezhdisciplinarnom> (дата обращения: 01.11.2014).
3. *Воспитание культурой: учебно-методическое пособие / под ред. В.А. Фортунатовой*. – Н. Новгород: Изд-во НГПУ, 2011. – 127 с.
4. *Горюнова О.* «Мужская литература» Удафкома и другие практики культурного сопротивления // *Control + Shift: публичное и личное в русском интернете*. – М.: Новое литературное обозрение, 2009. – С. 235–259.
5. *О нравственности, патриотизме, культуре и бескультурье (актуальный разговор на вечные темы): материалы «круглого стола» / Д.А. Гранин, А.А. Гусейнов, А.С. Запесоцкий, С.П. Капица, В.К. Мамонтов, Ю.М. Резник // Вопросы философии*. – 2009. – № 11. – С. 3–27.
6. *Журавлева Е.Ю.* Современные модели развития гуманитарных наук в цифровой среде // *Вопросы философии*. – 2011. – № 5. – С. 91–99.
7. *Канке В.А.* Современная этика. – М.: Омега-Л, 2007. – 394 с.
8. *Леви-Строс К.* Первобытное мышление: пер. с фр. – М.: Республика, 1994. – 384 с.
9. *Малюк В.И., Немчин А.М.* Производственный менеджмент. – СПб.: Питер, 2008. – 288 с.
10. *Марков Б.В.* Храм и рынок. Человек в пространстве культуры. – СПб.: Алетейя, 1999. – 304 с.

11. *Ноговицын Н.О.* Диалог и смысл [Электронный ресурс] // Диалог в образовании: сборник материалов конференции. Серия «Symposium»: сборник материалов конференции. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. – Вып. 22. – URL: <http://anthropology.ru/ru/person/nogovitsyn-no/text/dialog-i-smysl> (дата обращения: 01.11.2014).

12. *Ортега-и-Гассет Х.* Веласкес. Гойя: пер. с исп. – М.: Республика, 1997. – 360 с.

13. *Руднева Д.А.* «Человек гламурный» как социокультурный конструкт общества потребления: к вопросу о методах исследования современной культуры // Третий Российский культурологический конгресс с международным участием «Креативность в пространстве традиции и инновации», Санкт-Петербург, 27–29 октября 2010 г.: тезисы докладов и сообщений. – СПб.: ЭЙДОС, 2010. – С. 250.

14. *Фортулатова В.А.* Антропология образных состояний как нравственно-дидактическая

проблема // Мир науки, культуры, образования. – 2011. – № 4 (29), ч. 1. – С. 355–358.

15. *Фортулатова В.А.* Гуманитаризация вузовского образовательного процесса как исследовательская проблема // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2013. – № 5 (2). – С. 204–210.

16. *Фортулатова В.А., Валеева Е.В.* Одномерный человек в многомерном обществе как специфика современного образования // Science and Education: materials of the II International Research and Practice Conference, Munich, December 18–19, 2012. – Munich, Germany: publishing office Vela Verlag Waldkraiburg, 2012. – Vol. 2. – P. 646–650.

17. *Фрейд З.* Тотем и табу. Психология первобытной культуры и религии: пер. с нем. – Тбилиси: Мерани, 1991. – 220 с.

HUMANITARIAN EDUCATION IN THE CONTEXT OF THE CONTEMPORARY CULTURE: PROBLEMS AND SOLUTIONS

E.V. Valeeva

N.I. Lobachevsky State University
of Nizhny Novgorod (Arzamas branch),
Arzamas

ev.visual@mail.ru

Education is integrated in the wide social, political and economic context of the era, so the analysis of the conditions of formation and cultural production of educational texts helps us to understand the processes of change and continuity. Educational strategies of the postnonclassical era must connect their basic meaningful messages and reveal the new educational concept of integrity, evolution and self-organization based on pluralism. The Russian educational policy demonstrates the unacceptability of the total borrowing in this area without taking into account the peculiarities of the national grounds. Vice versa, the development of national education policy cannot be confined to its own resources, without using educational experience proven by history, the innovative character of which today can be successfully applied on a national basis. The idea of educational unification and national footing is the idea of preserving diversity in its unity.

The ongoing crisis in the Russian economy nowadays is compelling evidence that the domestic science and education are not becoming means of intellectualization and familiarizing a man with cultural values. Today it is important to understand the role of the humanities in the enrichment of our contemporary and modern culture. Education should form a special kind of social immune system, which is capable of

self-development and combating negative phenomena. In this case, the humanities can become a new educational ideology.

Keywords: educational ideal, figurativeness, educational and cultural taboos.

DOI: 10.17212/2075-0862-2015-3.2-39-49

References

1. Valeeva E.V. Analogovaya model' sovremennogo obrazovaniya [Analog model of modern education]. *Observatoriya kul'tury – Observatory of culture*, 2014, no. 1, pp. 96–101. (In Russian)
2. Valitskaya A.P. [How can the general theory of education, or the status of an interdisciplinary concept of «dialogue»]. *Dialog v obrazovanii. Seriya «Symposium»: sbornik materialov konferentsii* [Dialogue in education. Series “Symposium”: Conference Proceedings]. St. Petersburg, St. Petersburg Philosophical Society, 2002, iss. 22, pp. 9–16. Available at: <http://anthropology.ru/ru/person/valitskaya-ap/text/kak-vozmozhna-obschaya-teoriya-obrazovaniya-ili-o-mezhdisciplinarnom> (accessed 01.11.2014) (In Russian)
3. Fortunatova V.A., ed. *Vospitanie kul'turoi* [Educating by culture]. N. Novgorod, NGPU Publ., 2011. 127 p. (In Russian)
4. Goryunova O. "Muzhskaya literatura" Udaffkoma i drugie praktiki kul'turnogo [Male literature' of udaff.com and other networked artistic practices of the cultural resistance]. *Control + Shift: publichnoe i lichnoe v russkom internete* [Control + Shift: Public and Private Usages of the Russian internet]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2009, pp. 235–259. (In Russian)
5. Granin D.A., Guseinov A.A., Zapesotsky A.S., Kapitsa S.P., Mamontov V.K., Reznik Yu.M. O npravstvennosti, patriotizme, kul'ture i beskul'tur'e (aktual'nyi razgovor na vechnye temy): materialy «kruglogo stola» [About morals, patriotism, culture and lack of culture (a round-table discussion)]. *Voprosy filosofii – Russian Studies in Philosophy*, 2009, no. 11, pp. 3–27. (In Russian)
6. Zhuravleva E.Yu. Sovremennye modeli razvitiya gumanitarnykh nauk v tsifrovoi srede [Modern models of developments of humanitarian sciences in the digital environment]. *Voprosy filosofii – Russian Studies in Philosophy*, 2011, no. 5, pp. 91–99. (In Russian)
7. Kanke V.A. *Sovremennaya etika* [Contemporary ethics]. Moscow, Omega-L Publ., 2007. 394 p. (In Russian)
8. Levi-Stros K. *Pervobytnoe myshlenie* [Primitive thinking]. Moscow, Respublika Publ., 1994. 384 p. (In Russian)
9. Malyuk V.I., Nemchin A.M. *Proizvodstvennyi menedzhment* [Production management]. St. Petersburg, Piter Publ., 2008. 288 p. (In Russian)
10. Markov B.V. *Khram i rynek. Chelovek v prostranstve kul'tury* [Temple and the market. The man in the sphere of culture]. St. Petersburg, Aleiteiya Publ., 1999. 304 p. (In Russian)
11. Nogovitsyn N.O. [Dialogue and meaning]. *Dialog v obrazovanii. Seriya «Symposium»: sbornik materialov konferentsii* [Dialogue in education. Series “Symposium”: Conference Proceedings]. St. Petersburg, St. Petersburg Philosophical Society, 2002, iss. 22. Available at: <http://anthropology.ru/ru/person/nogovitsyn-no/text/dialog-i-smysl> (accessed 01.11.2014). (In Russian)
12. Ortega y Gasset J. *Velazques. Goya*. Madrid, Revista de Occidente, 1963 (Russ. ed.: Ortegga-i-Gasset Kh. *Velaskes. Goiya*. Translated from Spanish. Moscow, Respublika Publ., 1997. 360 p.).
13. Rudneva D.A. [“A glamorous man” as a social and cultural construct of the consumer society: the question of the research methods of modern culture]. *Tretii Rossiiskii kul'turologicheskii kongress s mezhdunarodnym uchastiem «Kreativnost' v prostranstve traditsii i innovatsii», Sankt-Peterburg, 27–29 oktyabrya 2010 g.: tezisy dokladov i soobshchenii* [Proceedings of the 3rd Russian Congress with International Participation for Cultural Research "Creativity in the Space of Tradition and Innovation", St. Petersburg, 27–29 October 2010]. St. Petersburg, EIDOS Publ., 2010, p. 250. (In Russian)
14. Fortunatova V.A. Antropologiya obraznykh sostoyanii kak npravstvenno-didakticheskaya problema [Anthropology of figurative states as morally didactic problem]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya –*

The world of science, culture and education, 2011, no. 4 (29), pt. 1, pp. 355–358. (In Russian)

15. Fortunatova V.A. Gumanitarizatsiya vuzovskogo obrazovatel'nogo protsessa kak issledovatel'skaya problema [Humanization of the learning process in higher education as a research problem] *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo – Bulletin of Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky*, 2013, no. 5 (2), pp. 204–210. (In Russian)

16. Fortunatova V.A., Valeeva E.V. A one-dimensional man in a multi-dimensional society as

the specifics of modern education. *Science and Education: materials of the II international research and practice conference*, Munich, December 18–19, 2012. Munich, Germany, publishing office Vela Verlag Waldkraiburg, 2012, vol. 2, pp. 646–650. (In Russian)

17. Freud S. *Totem und tabu. Einige übereinstimmungen im seelenleben der wilden und der neurotiker*. Wien, Hugo Heller, 1913 (Russ. ed.: Freid Z. Ya i ONO. Trudy raznykh let. Kn. 1. *Totem i tabu. Psikhologiya pervobytnoi kul'tury i religii*. Translated from Germany. Tbilisi, Merani Publ., 1991. 220 p.).